

УФИМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦІИ СИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
ПРИ УФИМСКОЙ СЕМИНАРІИ.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ,
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ,
5 РУБ. 50 КОП.

№ 6.

1882

15 Марта.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

УКАЗЪ СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СИНОДУ.

Архіепископу херсонскому **Платону** Всемилости-
вѣйше повелѣваемъ быть митрополитомъ кіевскимъ и
галицкимъ, Успенскія Кіево-Печерскія лавры священно-
архимандритомъ и членомъ Святѣйшаго Синода.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою
написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Гатчинѣ,
4 февраля 1882 г.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Священникъ уфимскаго уѣзда села Юрмаша Іоаннъ
Гирляндовъ 18 декабря 1881 года, волею Божіею, по-
мерь.

Вслѣдствіе приговора прихожанъ градо-уфимской алек-
сандро-невской церкви, уфимскій купецъ Иванъ Торо-
пыгинъ утвержденъ въ должности церковнаго старосты
къ градо-уфимской александро-невской церкви на трех-
лѣтіе съ 1882 по 1885 г.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПОУЧЕНІЕ

Преосвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго,
въ день восшествія на Всероссійскій престолъ Благочести-
вѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Им-
ператора Александра Александровича.

Вознесохъ избраннаго отъ людей моихъ.

Что значитъ восшествіе на престолъ? Что такое цар-
скій престолъ?

Звуковой корень этого слова—sto, въ родовой родной
намъ группѣ арійскихъ языковъ, изъ которой произо-
шелъ и нашъ славяно-русскій языкъ, означаетъ то, что
не только само крѣпко и стойко держится на чемъ либо
другомъ, но и служить крѣпкою стойкою поддержкою
для другаго. Отсюда, изъ этого корня развѣтвились въ на-
шемъ языкѣ съ такимъ значеніемъ слова: стою, ставлю,
устанавливаю, уставъ, строю, строй, ступаю, стопа, столбъ,
стулъ, столъ и т. д. Столъ то, на чемъ ставится что ли-
бо почтенное, и частнѣе—ставится пища для людей.

Въ первобытномъ, полудикомъ, полусѣдломъ состояніи
наши предки, подъ открытымъ ли небомъ, въ легкихъ ли
шалашахъ, въ тѣсныхъ ли землянкахъ, садились, на чемъ
стояли, на чемъ и ложились, прямо на землѣ, постилая
подъ бока развѣ древесныя вѣтви, сѣно, солому, лубокъ,
кожу звѣря, или скотины, подставляя подъ сѣдалище раз-
вѣ колоду или срубленные сучья, да и пищу ставили
также на землѣ, подстраивая для этого развѣ какой либо
пень или подставленную чѣмъ либо доску и т. п.

Выростая отъ земли, вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ,
также выроставшимъ отъ земли, эти первобытныя устрой-
ства для лежанья, сидѣнья, принятія пищи, почетныхъ

ручныхъ занятій, перераждались въ первобытныхъ славянскихъ хижинахъ въ прикрѣпленныя къ стѣнамъ скамьи или лавки, въ подвижныя столыцы и столы, какъ можно видѣть въ избахъ русскихъ простецовъ и до сегодня. При чемъ отдѣльный для сидѣнья одного человѣка стулъ былъ снарядомъ позднѣйшаго и не русско-славянскаго происхожденія. При такомъ изначальномъ устройствѣ славянскихъ избъ, прикрѣпленныя къ стѣнамъ лавки, сходясь въ переднемъ углу, образовали въ старо-русской хатѣ почетный уголь; въ этомъ же углу ставили и столъ, а передъ нимъ и столецъ. Въ этомъ же углу, по крещеніи Руси, принято ставить и святыя образа; конечно и у славянъ язычниковъ въ переднемъ углу ставился домашній богъ, покровитель дома. Почему этотъ уголь принялъ въ глазахъ потомка древнихъ славянъ, крещенаго православно-русскаго человѣка, даже священное значеніе. Посадить кого либо на скамью въ передній уголь—значило оказать человѣку высшую честь и любовь съ привѣтомъ; значило не только доброжелательно поставить человѣка подъ особый покровъ домашней святыни, но и явить ему нѣкоторое чувство благоговѣнія, какъ лицу въ нѣкоторомъ смыслѣ священному для дома, обративъ къ прочимъ предсѣдѣющимъ или предстоящимъ его честный ликъ на ряду священныхъ ликовъ, глядящихъ на всѣхъ со святыхъ иконъ. Посадить же кого либо на столъ, на мѣсто уже само по себѣ священное, на которомъ всегда возлагается и предлагается хлѣбъ, святой даръ Божій, такого и обычая у нашихъ предковъ никогда не было. А сѣсть кому либо на столъ самому было бы святотатствомъ и кощунствомъ, оскорбленіемъ домашней святыни, дома и изначальнаго обычая.

На всемъ пространствѣ тысячелѣтней русской исторіи единственное исключеніе изъ этого всеобщаго отце-преданнаго непреложнаго обычая сдѣлано, дѣлалось и дѣ-

дается исключительно только для князя, для великаго князя, для царя, для императора россійскія земли. Призвавъ къ себѣ русскаго князя, для устройства великой и обильной, но не упорядоченной славяно-русской земли, наши предки славяне посадили его у себя, въ знакъ исключительнаго его достоинства и превосходства надъ всѣми, не за столъ, а на самый столъ. Какъ у перваго князя Рюрика были его братья, князья меньшіе, которые также посажены были на столы княженія въ разныхъ городахъ; то старшій князь, сѣвшій на столъ княженія въ старомъ, тогда пока еще Новѣ-городѣ, сталъ великій князь, а столъ его—велико-княжескій столъ, тогда какъ меньшіе князья, братья Рюрика, остались въ народномъ сознаніи и говорѣ князьями, а столы ихъ княжескими столами.

Такъ это и устоялось и осталось, какъ въ сознаніи, такъ и говорѣ славяно-русскаго народа на вѣка. Княжескіе столы стояли во многихъ городахъ древней Руси. А великокняжескій столъ стоялъ сперва въ Новѣ-городѣ, затѣмъ въ Кіевѣ, а оттуда черезъ Владиміръ переступилъ и устоялся въ Москвѣ. Тамъ когда великій князь московскій выросъ изъ старшаго въ родѣ, между единоплеменными однородными князьями, въ ихъ владыку и царя всея Руси, тогда и великокняжескій московскій столъ выросъ въ превосходящее исключительное достоинство царскаго престола, который стоялъ уже не только выше всѣхъ прочихъ княжескихъ и прежнихъ великокняжескихъ столовъ, но и на нихъ и надъ ними. А когда московскій царь сталъ владыкою не только единоплеменныхъ однородныхъ русскихъ князей, но и царей и царствъ инородныхъ, каковы были царства казанское, астраханское, ногайскія, сибирскія, тогда царское достоинство, въ сознаніи даже старыхъ русскихъ людей и самихъ царей, каковъ былъ Иоаннъ Грозный, возрастало уже до равенства съ высшею

степенью земнаго величія, съ наслѣдованнымъ отъ греко-римской древности званіемъ императорства, каковое и принято властителями русской земли вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они увидѣли себя повелителями не только древнихъ русскихъ княженій и вольныхъ земель съ вольными городами, не только всѣхъ обломковъ грознаго нѣкогда царства Чингис-хановъ, Батыевъ, Узбековъ, Мамаевъ до Крыма включительно, но и царственного тевтонскаго ордена, и великаго княжества шведско-финляндскаго, и царства грузинскаго, и польскаго королевства, и наконецъ многихъ земель нѣкогда столь страшныхъ для всей Европы турецкихъ султановъ. Тогда надъ всеми этими княжескими и великокняжескими столами, надъ всеми престолами этихъ царей, хановъ, султановъ и королей возвысился, на нихъ утвердился, сталъ и стоитъ самаго высокаго въ мірѣ и во всемірной исторіи знаменованія престоль всероссійскихъ императоровъ.

Это внѣшняя сторона; а вотъ какъ сложилась и внутреннѣйшая духовная сторона всероссійскаго императорскаго престола.

Ясно, что первоначальный государственно-русскій уставъ сажать князей на столъ былъ только продолженіемъ, хотя и исключительно-преимущественнымъ продолженіемъ чисто народнаго исконнаго все-славянскаго и все-россійскаго обычая сажать почетное старѣйшее лицо въ передній священный уголь, а по крещеніи Руси и подъ святыя образа. Такъ и устроились древнія княжескія, велико-княжескія и царскія сѣдалища,—въ переднемъ углу, подъ святыми образами, какъ это и до сихъ поръ можно видѣть въ древнихъ царскихъ палатахъ въ московскомъ кремлѣ. И если обычное въ переднемъ углу подъ образами сидѣнье первенствующаго въ домѣ лица, какъ то хозяина дома, отца семейства, отца духовнаго, всякаго старѣйшаго, всякаго почетнаго гостя означаетъ призна-

ніе домою или власти этого первенствующаго лица надъ собою, или по крайней мѣрѣ преимущества чести, означаетъ порученіе этого лица домою покрову домашней святыни; то конечно, посаженіе властителя земли на столѣ во святомъ углу подъ образами, значило, какъ и значить, въ исключительно преимущественной степени, признаніе подвластными надъ собою верховной власти предсѣдателя, и порученіе его покрову Бога Вседержителя и всѣхъ святыхъ. При чемъ, по вѣрѣ святой Руси, властодержецъ ея не только держится на подвластныхъ, но покрываемый Божіею милостію и держитъ ихъ подъ собою.

Приинкните, какъ слагалось исторически это внутреннее отношеніе властодержца къ подданнымъ; какъ выросъ въ вѣрѣ подвластныхъ, въ клятвахъ и обѣтахъ, въ преданіяхъ старины, въ завѣтахъ отцовъ, въ надеждахъ всѣхъ поколѣній, въ молитвахъ и благословеніяхъ многихъ вѣковъ, наконецъ въ неисчислимыхъ жертвахъ всякаго рода, до пролитія собственной крови, до вольнаго самопожертвованія многихъ милліоновъ жизней. Такъ основатели русскаго государства, наши предки славяне, посадивъ на велико-княжескомъ столѣ родоначальника русскихъ князей Рюрика, сказали ему: теперь князи и владѣй надъ нами, такъ какъ земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; и призвавъ покровъ неба на новаго великаго князя, положили подъ ноги его велико-княжескаго стола, въ его утвержденіе, клятву свою и потомковъ своихъ на вѣрность ему, Рюрику, и княжескому роду его на вѣка. По крещеніи Руси, при посаженіи уже христіанскихъ князей на княжескій столъ, эта клятва, въ сущности одна и та же всегда, скрѣплялась уже цѣлованіемъ креста Христова съ призваніемъ во свидѣтели еди-

наго истиннаго Бога христіанскаго. Эта клятва на вѣрнопоподданническую вѣрность была повтореніемъ клятвы отцовъ и скрѣпленіемъ ея современниками на вѣрность не только ихъ самихъ, но и потомства ихъ, не только Богомъ данному властодержцу, но и державному роду его. Когда царь Іоаннъ III посадилъ уже на царскій престолъ своего державнаго сына и вѣнчалъ его не только велико-княжескимъ вѣнцомъ Мономаха, но и царскимъ вѣнцомъ древнихъ греческихъ царей, и помазалъ его на царство руками святителей; тогда вся Русь повергла къ подножію царскаго престола, въ его утверженіе на вѣка, свою клятву за себя и потомковъ на вѣрность богопомазанному царю Василию Іоанновичу и державному роду его, въ нисходящемъ потомствѣ, на вѣка. Когда этотъ царственный родъ, вѣлѣніемъ Божиимъ, пресѣкся,—тогда, по указанію перста Божія, по гласу народа—гласу Божію, вся Русь посадила на престолъ самодержавныхъ царей всероссійскихъ бого-избраннаго, бого-помазаннаго и бого-вѣнчаннаго царя Михаила Ѳеодоровича Романова, повергнувъ къ подножію его престола клятву за себя и своихъ потомковъ на вѣчную вѣрность ему и нисходящему отъ него царственному роду Романовыхъ.

Теперь сочтите, сколько въ подножіе царскаго-императорскаго всероссійскаго престола легло клятвъ на вѣчную вѣрность? Клятвъ современниковъ не только за себя, но и за все свое потомство на вѣрность единому богоизбранному роду? Сколько миллионъ устъ и сердець во всѣ вѣка нашей исторіи призывали Бога-сердцевѣдца въ свидѣтели вѣрности и искренности этой клятвы? Сколько подъ этимъ престоломъ, въ его утверженіе, легло костей его вѣрнопоподданныхъ, которые умирали, благословляя родную землю и ея верховнаго владыку? Сочтите, сколько вѣрныхъ слугъ русскихъ князей, царей и императоровъ закрывали глаза, испускали предсмертный вздохъ съ по-

слѣднимъ словомъ на устахъ, словомъ отеческаго завѣта остающимся чадамъ о вѣрности и преданности царствующему дому? Сочтите, сколько на пространствѣ вѣковъ прошено и испрошено у Царя царей Его благословеній царствующему царю предстоятелями церкви Божіей, святителями, іерархами, праведными подвижниками, всѣми священнодѣйствующими, сколько молитвъ вознесено къ престолу Божію всѣми вѣрующими вѣрноподанными, въ утверженіе царскаго престола, о сохраненіи царствующаго рода, о мирѣ, о благоденствіи и вѣрнопреданности благочестивымъ царямъ благовѣрнаго народа, о покореніи подъ ноги царскаго престола всякаго врага и супостата? Сочтите, сколько силою русскаго духа, силою русской вѣры и молитвы, силою русской вѣрности, преданности и самоотверженія положено въ подножіе ногъ царскаго престола всякихъ враговъ и супостатовъ? Сочтите, наконецъ, кто можетъ, сколько жизней вольною волей легло въ подножіе этого престола; какая подъ нимъ выросла гора изувѣченныхъ, истерзанныхъ чудовищемъ войны труповъ; какими потоками самоотверженно пролитой крови полита и связана вся эта гора? Сколько изъ нея вознеслось къ небу воплей муки, стонъ терзаній, тихой предсмертной молитвы за отчизну и за царя, которому въ жертву жалостно принесена самая жизнь? Сочтите, сколько въ основу крѣпости единаго царскаго престола, на пространствѣ вѣковъ, положено завѣтовъ самихъ властодержцевъ державнымъ чадамъ и братьямъ, преемникамъ державы и скипетра; сколько изъ собственныхъ сердець князей, царей, императоровъ вознеслось къ Богу молитвъ и обѣтовъ за державу и преемниковъ, особенно на смертныхъ одрахъ? Сколько благословеній изречено царственными отцами надъ главами царственныхъ сыновъ наслѣдниковъ? Сколько заботъ, терзаній, мукъ несказанныхъ, понятныхъ не иному кому, а

именно и только самимъ царямъ, мукъ и сокрытыхъ отъ стороннихъ глазъ, вѣдомыхъ единому Сердцевѣдцу, вынесли они сами дари наши, въ поддержаніе престола и царства? Сколько вольныхъ невольныхъ жертвъ принесено ими самими? Сколько въ исторіи, сколько въ жизни каждаго изъ нихъ было моментовъ, когда даже самая жизнь ихъ висѣла на волосѣ? Сколько отсюда неизвѣданныхъ другими, выносимыхъ царями смертныхъ опасностей, сколько страховъ, сколько безсонныхъ ночей, всегда подъ дамокловымъ мечемъ, сколько мучительнѣйшихъ минутъ, дней и даже годовъ жизни хуже смерти? Сколько и смертей рановременныхъ отъ этихъ нечеловѣческихъ, а собственно царственныхъ мукъ, печалей, тревогъ? Вспомнимъ Петра I, вспомнимъ Александра I; да и всѣ они, особенно изъ дома Романовыхъ, умерли рано. А были и особо ускоренныя смерти. А наконецъ царскій престолъ полить неоднократно и царственною кровію. И въ завершеніе полить и святою кровію царя—мученика Александра II. И на этотъ престолъ, политый еще теплою кровію отца, Вседержитель Богъ, Царь царей, посаждаетъ наслѣдника сына, нынѣ нашего царя Александра III.

Чувствуете ли вы, что престолъ Александра III страшенъ? Чувствуете ли вы, что онъ высокъ? О! какая ужасающая высота! Чувствуете ли, что онъ святъ, что онъ въ особомъ исключительномъ родѣ есть святое святыхъ, что онъ—отображеніе на землѣ престола Бога Вседержителя на небесахъ? Онъ зиждется на вѣковѣчныхъ клятвахъ, на молитвахъ, на благословіяхъ самихъ царей, святыхъ святителей, іерарховъ, многихъ сонмовъ угодниковъ Божіихъ, заступниковъ русскія земли, и премногихъ милліоновъ богобоязныхъ христіанскихъ благочестивыхъ душъ. Онъ высится на костяхъ всѣхъ вѣрноподанныхъ, клятвенно закрѣпившихъ за нимъ на

вѣки вѣрнопреданность своихъ душъ; высится на ко-
 стяхъ, на крови положившихъ за него свой животъ; на
 царственныхъ томленіяхъ, на самопожертвованіи, на без-
 временныхъ кончинахъ, даже на безвинно пролитой кро-
 ви самихъ царей. Это страшная высота, да?! Но и пре-
 столь Бога Вседержителя почиваетъ не только на херу-
 вимахъ и серафимахъ, архангелахъ и ангелахъ и вся-
 кихъ небесныхъ силахъ, но и на душахъ всѣхъ правед-
 никовъ, Богу въ жизни сохранившихъ вѣрность; особен-
 но же почиваетъ на душахъ, избѣнныхъ за Слово Бо-
 жіе и за свидѣтельство вѣрности Богу, какое имѣли они
 на землѣ предъ невѣрными,—на душахъ, которыя вѣч-
 но вопіютъ къ престолу Божию гласомъ великимъ: *до-
 колѣ Владыко святыи и истинныи не судиши и не
 лстиши крови нашей отъ живущихъ на земли, не со-
 хранившихъ вѣры и вѣрности Тебѣ Царю царствую-
 щихъ* (Ап. 6, 9—10)? Наконецъ, для ближайшаго по-
 добія престолъ и Бога Вседержителя полить безцѣнною
 кровію Единороднаго Сына Божія, Царя царемъ и Гос-
 пода господемъ, котораго убили іудеи злодѣи думая: *на-
 ше будетъ достояніе Его*, и ошиблись злодѣи..

Но высокій и страшный, по подобію небеснаго пре-
 стола Царя царствующихъ, престолъ нашего земнаго ца-
 ря, по тому же высочайшему подобію, и благотворенъ
 и необходимъ въ великой русской державѣ. Посажен-
 ный на прародительскомъ престолѣ, теперь уже не въ
 переднемъ святомъ углу дома, а въ передовомъ священ-
 номъ прибѣжищѣ всего благочестиваго русскаго царства,
 священнѣйшемъ изъ русскихъ храмовъ, стоящемъ на мо-
 щахъ святыхъ, столбовъ русскія земли, украшенномъ
 завѣтнѣйшими святынями всего христіанства, Москов-
 скомъ Успенскомъ Соборѣ, осѣненный покровомъ ми-
 лости Божіей, заступничествомъ ангеловъ и всѣхъ свя-
 тыхъ, повитый молитвами и благословеніями всей право-
 славной христіанской церкви, утверждающійся на клят-

вахъ предъ Богомъ сердцеѣдцемъ на вѣрнопреданность, всего русскаго необъятнаго царства, Богомъ избранный, Богомъ вѣнчанный и Богомъ превознесенный царь русскій есть отображеніе на русской землѣ Божія провидѣнія, носитель на землѣ высшей мудрости и правды, основа мира и порядка, стержень скрѣпы и движенія всего государственнаго состава; и царственный родъ Его, которому въ лицѣ наслѣдника Его мы присягаемъ на вѣчную вѣрность, есть стержень и сердцевина всего государственнаго развитія, успокоительная надежда настоящаго, якорь спасенія будущаго Россіи.

Видите ли, что всероссійскій императорскій престоль есть не только созданіе, но и священнѣйшій завѣтъ всего тысячелѣтнаго прошлаго Россіи? Чувствуете ли, сколько анти-христіанскаго, сколько противонароднаго, сколько зловѣщаго и проклятаго заключаютъ въ себѣ недавно обнаружившіеся замыслы, — увы! русскихъ выродковъ замыслы на жизненность престола, на жизнь царя, на долгоденствіе и благоденствіе прямого царственнаго рода? На нихъ, на этихъ крамольниковъ, клятвопреступниковъ, измѣнниковъ не только своей собственной святотатственной клятвѣ, но и завѣту всѣхъ предковъ, на нихъ падеть анаѰема и клятва отцовъ и дѣдовъ и пращуровъ до основателей русскаго царства. Чувствуете ли, какъ тревожно, какъ опасно, какъ гибельно отваживаться на реформы въ основномъ строѣ государства? Посмотрите на Францію. Она также изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, присягала на вѣрность древнему роду своихъ христіанскихъ королей. Но Франція отсѣкла голову своему родному королю. И Боже! сколько милліоновъ головъ съ того недавняго времени Франція порубила у себя! Посѣчено всё лучшее молодое поколѣніе. Франція уже теряетъ способность вознаграждать смертную убыль населенія новыми рожденіями. Надъ

самымъ политическимъ бытіемъ ея повѣшенъ дамокловъ мечъ, готовый не сегодня, завтра обрушиться на ея голову. А если бы нынѣшніе французы могли послушать, подобно евангельскому богачу, загробнаго голоса отшедшихъ въ иной міръ своихъ отцовъ, дѣдовъ и пра-дѣдовъ, что бы тѣ сказали имъ? Безъ сомнѣнія то же, только въ безмѣрно сильнѣйшей степени то же, что нынѣшніе французскіе отцы, живые пока отцы, хотятъ сказать своимъ живымъ дѣтямъ и насчетъ дѣтей.

Боюсь, что наши русскіе, увы! часто въ послѣднее время—верхоглядъ, проглядываютъ между строками въ газетахъ наипоразительнѣйшую вещь. Извѣстно, что какъ разъ Франція сокрушила тронъ природныхъ королей, сокрушила христіанскіе алтари, то съ тѣхъ поръ она и вошла во вкусъ этихъ крушеній. Созидала престолы не разъ и ниспровергала. Возстановляла религію не разъ и снова отрекалась отъ вѣры отцовъ. Теперь будто бы воцарила у себя республику на долго ли, сомнительно; но то несомнѣнно, что во Франціи настало при республикѣ гоненіе на христіанство, гоненіе холодное, обдуманное, но глубокое, но радикальное. Извѣстно, что на дняхъ одинъ министръ народнаго просвѣщенія атеизировалъ французскія училища;—при этомъ въ первый разъ создано и это новое слово, прежде неслыханное—атеизація. Извѣстно, что другой министръ секуляризовалъ училища. Это значить, что преподаваніе Закона Божія въ училищахъ, какъ предметъ правительственной программы, изгоняется. Предписано было начальству учебныхъ заведеній спрашивать родителей, желаютъ ли они, чтобы дѣти ихъ получали въ училищахъ религіозное образованіе. Эта мѣра принята подъ предлогомъ не насиловать свободы совѣсти. Что же вышло? Результатъ извѣстенъ только въ парижскомъ учебномъ округѣ. Изъ всѣхъ учебныхъ округовъ Франціи это самый многочюд-

ный; населеніе его наиболѣе проникнуто вольнодумствомъ. Въ него входятъ девять департаментовъ—нашихъ губерній; въ учебныхъ заведеніяхъ его воспитывается около половины всего учащагося юношества страны. И во всемъ этомъ округѣ всѣхъ отцовъ семействъ, которые заявили желаніе, чтобы дѣти ихъ не обучались Закону Божію, *нашлось только восемь*. Право, у насъ на святой Руси, даже въ нашей Уфѣ, кажется, нашлось бы сравнительно больше въ такихъ отцовъ: попробуй только предложить. Нашлось бы изъ моды. Кто жъ эти отцы? Кто радикальные вольнодумцы? Это—биржевики, чиновники, депутаты, сенаторы, министры... Вотъ откуда во Франціи вольнодумство,—а у насъ такъ или не такъ?... Изъ народа ль всякое, религіозно—политическое вольнодумство?... „Вольнодумство!“ восклицаетъ, передавая это извѣстіе, одна французская газета. „Можно быть вольнодумцемъ (чтобы угодить вольнодумному правительству), когда дѣло идетъ объ избраніи въ палату, о полученіи мѣста, ордена, денежной выгоды. Но всякій перестаетъ быть вольнодумцемъ, когда дѣло идетъ о душѣ своего дитяти, или просто о родительскомъ авторитетѣ и сыновней почтительности, источникъ коихъ въ религіи, безъ которой нѣтъ ни общества, ни семьи“... Да, французскіе отцы хотятъ быть религіозны за дѣтей, не за себя. Для себя они отвергаютъ религію, подчиняясь закону, существующему въ удахъ нашихъ; а для дѣтей руководятся закономъ ума, закономъ совѣсти, закономъ духовнымъ. Поправятъ ли французы у себя такую странную, такую безпримѣрную религіозностью, семью, общество, государство? Сомнительно (*). Но вѣрно то, что ихъ отцы изъ—за гроба

(*) Позднѣйшее извѣстіе—телеграмма: „Парижъ, 11 марта. Сенатъ при обсужденіи законопроекта объ обязательномъ начальномъ образованіи отклонилъ 167 голосами противъ 123 предложеніе Жюля Симона, коимъ учителямъ предписывается внушать дѣтямъ обязанности относительно Бога и отечества. Это предложеніе, до послѣднихъ сенаторскихъ выборовъ, было одобрено сенатомъ и отклонено палатой“. Теперь, значить, отвергнуто и палатой и сенатомъ! И что отвергнуто? обязанность учителей внушать дѣтямъ обязанности относительно Бога и отечества! Выходитъ, что отцы желаютъ, чтобы дѣти ихъ были религіозны, но отцы отечества не желаютъ.

шлютъ живымъ тяжкій укоръ за то, что они сокрушили у себя религію и государство, сокрушили наследственную монархію, на вѣрность которой столько вѣковъ присягали, и теперь казнятся за вѣроломство.

Слава Богу, святая Русь еще не сокрушала у себя ни того, ни другаго, ни вѣры, ни присяги на вѣрность царю и царствующему дому. Но увы! На Руси начинается и то и другое. Безбожники, святотатцы, крамольники не только неоднократно покушались, но и успѣли обогреть стогны царствующаго града честною кровію царя—мученика... Поражая сердцевину великаго, многосоставнаго русскаго царства, воображаютъ эти ничтожества, явчто именно они, эти ничтожества, сдержатъ эту громаду величайшаго въ мірѣ государства въ единствѣ и цѣлости; что къ нимъ пристанутъ всѣ эти массы христоролюбиваго и царелюбиваго народа; что отъ нихъ не отвѣлятся сдерживаемыя до сихъ поръ единствомъ крѣпкаго русскаго духа эти громады иновѣрныхъ инородцевъ, которые теперь спокойно и даже искренно присягаютъ на вѣрность и по своему вѣруютъ великому бѣлому русскому царю.

Поймите всѣ, что не одна только настоящая современная, всероссійская православная Христова церковь, но и вся отшедшая въ горній міръ десятивѣковая православная Христова церковь всея Руси, утверждаясь на основѣ вѣры, надежды и молитвы святой вселенской апостольской церкви и на камнѣ Христвъ, единъми усты и единымъ сердцемъ, изрекаетъ измѣнникамъ—крамольникамъ противъ православнаго царя анаѰему. *Помышляющимъ, яко православные Государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божию благоволенію, и при помазаніи дарованія Святаго Духа, къ прохожденію великаго сего званія, въ нихъ не изливаются: и тако дерзающимъ противъ ихъ на бунтъ и измѣну, анаѰема, анаѰема, анаѰема! Аминь.*

ПОУЧЕНІЕ

на новый 1882 годъ,

Пресвященнаго Никанора, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго.

Братіе, блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію по преданію человеческому, по стигіямъ міра, а не по Христу. Кол. 2, 8.

Это урокъ намъ на нынѣшній праздникъ обрѣзанія Господня и новолѣтія отъ лица святаго апостола Павла. Что апостоль Павелъ былъ не только богопросвѣщенный, но и съ естественной точки зрѣнія величайшій умъ; что онъ принадлежалъ къ числу крайне не многихъ самыхъ вліятельныхъ геніевъ челоѣчества, это признается всѣми, противъ этого спорить нельзя. А если такъ, то казалось бы его геніальности приличнѣе было бы совѣтовать всѣмъ заниматься философією, какъ изстари препрославленною наукою наукъ. Однако же онъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ предостерегаетъ отъ увлеченія философією. Всякою ли философією? Да, онъ не различаетъ между философією и философією, а предостерегаетъ вообще, не особенно сочувственно и почотно отзываясь о философіи вообще. *Смотрите братіе,*—наставляетъ онъ насъ,—*чтобы кто не увлекъ васъ философією и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человеческому, по стигіямъ міра, а не по Христу.* Какъ умъ величайшій и богопросвѣщенный, онъ видѣлъ и прозрѣвалъ, звалъ и предчувствовалъ, что, при горѣннн свѣта богооткровеннаго ученія, всякая философія, какую только видѣлъ міръ, какую думаютъ подмѣнить или даже пополнить это ученіе, больше или меньше вознося

нашъ умъ на разумъ Божій, никогда во всёхъ отноше-
 ніяхъ не можетъ быть полезна; а наоборотъ становится
 вредною тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе челоѵчество ею увле-
 кается, чѣмъ болѣе проникается она преданіями науч-
 ности челоѵческой и стихійною мудростію, чѣмъ болѣе
 направляется она противъ Христа и Христова духа. Онъ
 видѣлъ, что самая возвышенная философія древности,
 какова была философія Сократа и Платона, которая, при
 недостаткѣ въ древне—языческомъ мірѣ лучшаго руко-
 водства къ истинѣ, даже вела, хотя и извилистымъ пу-
 темъ, ко Христу, — что даже эта философія переполнена
 была заблужденіями язычества. Онъ видѣлъ, что современ-
 ная ему, апостолу Павлу, философія, неоплатоническая и
 гностическая, составляла систему не только мистическихъ
 грезъ, но и поразительнѣйшихъ бредней изступленной фан-
 тазіи (1 Тим. 1, 4; 6, 20). Онъ прозрѣвалъ и предчув-
 ствовалъ, что и послѣдующая, развивающаяся уже въ
 нѣдрахъ христіанства философія, если она выступаетъ въ
 качествѣ не исключительно только поборницы христіан-
 скихъ началъ, а изобрѣтательницы новыхъ основныхъ
 истинъ, или даже изслѣдовательницы въ областяхъ зна-
 нія, мало доступныхъ уму и незаренныхъ свѣтомъ от-
 кровенія, — что и эта философія мало окажетъ успѣха ис-
 тинѣ, напротивъ окажется источникомъ многихъ и нема-
 лыхъ заблужденій. Такъ даже такъ называемая схоласти-
 ческая философія, поставившая себя служанкою христіанска-
 го богословія, представляла сборникъ сухихъ, безплодныхъ,
 мертвящихъ словопреній, который въ послѣдствіи гордыми
 творцами новѣйшей философіи и не признанъ философіею.
 А то гордое вавилонское столпотвореніе челоѵческихъ
 измышленій, которое признано нынѣ называть дѣйстви-
 тельною философіею, начиная съ системъ Бэкона и Де-
 карта, послужило только поводомъ, началомъ и причи-
 ною удаленія заблудившагося челоѵческаго ума отъ

Бога и неба на страну далече. Наконецъ самоновѣйшая философія, въ своемъ послѣднемъ словѣ, это ужасъ и позоръ! Это гниль и гибель! И злосчастная честь сказать это послѣднее слово принадлежитъ нашему отечеству, нашимъ русскимъ столько же дерзкимъ, сколько и легкомысленнымъ и малосвѣдущимъ, особенно же въ философіи писателямъ. Тѣмъ неменѣе ихъ словоизверженія составляютъ дѣйствительно послѣднее слово европейской философіи и вообще современной европейской науки, послѣдній, крайній, чудовищный практическій изъ нея выводъ.

Я изложу вамъ эту философію. Въ своихъ голыхъ выводахъ она не мудрена. И сочинять ее я не стану. Въ одномъ новѣйшемъ сборникѣ она изложена собственными словами ея авторовъ. Однако же и основныя положенія ея мы назовемъ здѣсь только въ той мѣрѣ, насколько позволяютъ и краткость времени и церковное приличіе.

«Ширина отрицанія, характеризующаго новое ученіе, обнимаетъ весь установившійся порядокъ, весь современный строй государственной и общественной жизни. Нынѣшняя европейская цивилизація, съ ея наукой, искусствомъ, литературой, отвергается. Пусть догниваетъ старая цивилизація; она умираетъ не по годамъ, а по днямъ, и чувствуетъ свою дряхлость. Старая Европа накопила въ своемъ наслѣдіи все заблужденія, ошибки, знанія и невѣжество прошедшихъ вѣковъ. Наука допускается только осязательная: что можно разсмотрѣть глазами и ощупать руками, пойметъ и десятилѣтній ребенокъ. Въ руководители знанія рекомендуются главнымъ образомъ, даже почти исключительно, Бокль и Дарвинъ. Прочіе писатели прежнихъ временъ почти поголовно отвергаются. Вся русская жизнь, русская гражданственность, какъ она сложилась вѣками, подлежитъ беспощадному разрушенію».

«Религія, по этой философіи,—старый предразсудокъ, мистическія бредни, болѣзненное явленіе, фантазія, мѣшающая личному и общественному благополучію, то же, что отжившіе призраки астрологіи, алхиміи, магіи и теософіи. Нынѣ стала общеизвѣстною истина, что сила есть свойство матеріи, и теперь не нужны всѣ эти Ормузды и Ариманы. Мы свободны отъ теософической опеки и не ждемъ себѣ свыше ни награды за добро, ни наказанія за зло».

«Связанная тѣсно съ религіею нравственность имѣетъ мистическій смыслъ и ничего общаго съ здравымъ смысломъ. Изъ аксіомы, что человѣкъ есть животный организмъ, вытекаетъ отрицаніе всей душевной жизни, на мѣсто которой ставится одно тѣло. Никто до сихъ поръ не понималъ, что значить добро и что—зло. Теперь стало извѣстно, что въ экономическомъ смыслѣ добро есть выгода, а зло—убытокъ; въ фізіологическомъ отношеніи добро есть пріятное, а зло непріятное ощущеніе; въ общихъ же человѣческихъ отношеніяхъ добро—польза, а зло—вредъ. Безплодно ставить вопросъ о нравственности и безнравственности. Животный инстинктъ самосохраненія *долженъ быть* сильнѣе всѣхъ нравственныхъ соображеній. Правило, что во всякомъ случаѣ нужно быть честнымъ, никуда негодится. Кто исполняетъ требованіе долга, тотъ поступаетъ безчестно и подло и только позорить свое существованіе. Долгъ не имѣетъ никакого смысла. Самое понятіе о преступленіи отрицается, какъ и свободная воля. Преступникъ—или больной, котораго надо лечить, или герой трагедіи, погибающій подъ гнетомъ враждебныхъ обстоятельствъ. Преступленіе не вмѣняемо потому, что дѣйствія человѣка основываются на его внутреннихъ побужденіяхъ, которыя зависятъ отъ органическихъ условій и внѣшнихъ

явленій всегда угнетающаго свойства. Очевидно, что понятіе о виновности не имѣетъ никакого смысла. По этому всякій судъ—нелѣпость. Уваженіе къ чужому—простой разсчетъ, основанный на инстинктѣ самосохраненія, на боязни попасться въ воровствѣ и потерпѣть непріятность. Такъ и всякое преступленіе неудобно, потому что опасно. А умнымъ, ловкимъ людямъ ничто, кромѣ личного вкуса, не мѣшаетъ даже грабить и убивать».

«Эстетику, т. е., всю совокупность явленій и идеаловъ христіанской нравственности, всей европейской цивилизаціи, просвѣщенія, наукъ и искусствъ, всю эту эстетику слѣдуетъ всячески вытравлять. Пора отстать отъ всѣхъ отвлеченныхъ идей, какъ отстали отъ теологическихъ мечтаній. Идеаль челоуѣка порядочнаго, дѣльнаго, хорошаго семьянина, гражданина, это мечты, которыя управляютъ жизнь и мѣшаютъ беззавѣтному наслажденію. Никакихъ гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ. Убѣжденія, принципы, гражданская добродѣтель—все это нелѣпныя бредни. Благородный энтузіазмъ—пустой звукъ. О борьбѣ за святыя убѣжденія, о принесеніи себя въ жертву нечего и толковать. Если бы всѣ были эгоистами, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга, то привольнѣе стало бы жить на бѣломъ свѣтѣ. Теперь же вся жизнь сдвлена въ угоду отвлеченнаго понятія государства и прочаго. Пружина чести, уваженіе, личное достоинство, благодарность, добро, зло, вѣжливость, великодушіе, состраданіе, милосердіе, справедливость, законъ,—всѣ эти слова для этихъ учителей оживающія слова. Вся эта эстетика—проявленіе неисчерпаемой глупости. Эстетика давитъ общество со всѣхъ сторонъ подобно морали и законности. Она есть самый надежный врагъ разумнаго прогресса. Что такое всѣ

учрежденія, нравы, понятія, искусство, наука, права толпы? Ничтожный грязный хаосъ».

«Семья—это темное царство; это курятникъ, это превосходная школа безнравственности, школа рабства, эксплуатаціи, воровства и грабежа, зародышъ и поприще войны и порабощенія. Въ семьѣ всѣ плохи, отцы, матери, братья и сестры,—плохи отъ той же эстетики, отъ вреднаго вліянія семьи. Плохи особенно женщины, оттого, что онѣ боятся общественнаго мнѣнія, родителей, родственниковъ и не даютъ воли своимъ влеченіямъ; оттого, что склонны связывать себя обѣтами предъ лицомъ общества и церкви. Вотъ новая любовь—та свободна, по образу и подобию животныхъ, съ правомъ перехода изъ рукъ въ руки. Дѣйствительное паденіе женщины—это бракъ: вотъ гдѣ потеря нравственной чистоты и силы. Женская грація, стыдливость, цѣломудріе—глупость и нелѣпость. Женщина должна употребить всѣ усилія, чтобы подойти къ полному самоосвобожденію, несмотря на строгости формальнаго закона, чтобы бороться съ семейнымъ деспотизмомъ. Сущность женской эманципаціи заключается въ освобожденіи отъ несносной эстетики, въ полномъ приравненіи женщинъ къ мужчинамъ. Экономическая независимость есть первое условіе независимости общественнаго положенія женщины. А какъ достигнуть экономической независимости, когда матеріальныя блага захвачены самодурами, родителями и мужьями? Очень просто, на основаніи дарвиновскаго закона борьбы за существованіе, потребовать, отнять, украсть, ограбить,—все что угодно. Сказано уже, что умнымъ людямъ ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ даже убивать и грабить».

«Такимъ образомъ, новымъ человѣкомъ должны управлять только личныя выгоды и пріятныя ощущенія. Ни

надъ собой, ни виль себя, ни даже внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Онъ дѣлаетъ только то, что ему пріятно; а ему пріятно то, что ему хочется; слѣд. онъ дѣлаетъ только то, что ему хочется. Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять себя въ чемъ бы то ни было. Онъ собственно никого не боится, никого не любитъ, и вельдствіе этого никого не щадить. Онъ эгоистъ до послѣдней степени. Сказать—эгоистъ—значить сказать—человѣкъ, потому что эгоистъ есть полная свобода личности, уничтоженіе обязательныхъ трудовъ и добродѣтелей. Эгоизмъ—главная добродѣтель, покоющаяся на удовлетвореніи естественныхъ потребностейъ .

«До какой степени новый человѣкъ эгоистъ, до той же степени онъ и дерзокъ. Сильный эгоизмомъ и дерзостию онъ долженъ быть борцомъ отрицанія. Долженъ предпринять коренное измѣненіе ложныхъ общественныхъ отношеній, стѣсняющихъ нашу дѣятельность, стать выше общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ. Долженъ проповѣдывать необходимость радикальнаго лѣченія, питать кровную вражду съ общественною неправдой, не бояться уголовной отвѣтственности, разрушать семейный деспотизмъ и все это множество общественныхъ предрасудковъ (религію, семью, собственность). Долженъ проповѣдывать новую доктрину и уничтожать эстетику; вербовать новобранцевъ, размножать мыслящихъ людей, развивать женщинъ въ извѣстномъ свободномъ направленіи, особенно же завоевывать школу. Когда взята школа, тогда побѣда упрочена. Начало слѣпаго авторитета въ воспитаніи должно быть радикально уничтожено. Стараніе удержать ребенка въ тѣхъ понятіяхъ и правилахъ, которыми дер-

жалось старое поколѣніе, вредно въ высшей степени. Старанія дѣйствовать на сердце ребенка, соблюдать его моральную чистоту, напрасны. Для ребенка все должно быть открыто и доступно. Естественное, правильное, здоровое развитіе всѣхъ силъ организма гораздо болѣе значить, чѣмъ всякія нравоучительныя сентенціи. Кормить ребенка и удалять отъ него вредные предметы— вотъ вся задача воспитанія. Учить нужно какъ можно меньше и притомъ главное дѣло образованія состоитъ не въ знаніи, а въ развитіи. Чѣмъ меньше молодой человѣкъ будетъ знать, тѣмъ лучше, потому что онъ скорѣе сдѣлается послѣдовательнымъ реалистомъ.»

«Намъ нужны дѣятели,—говорятъ эти учителя,—сдѣтства охваченные одною идеей, сжившіеся съ ней, такъ что нужно доставить или торжество этой идеѣ или умереть. Нужны герои для борьбы съ врагами внутренними. Обязанность честнаго человѣка питать непримиримую ненависть къ существующему порядку, принимать рѣшительно—радикальныя воззрѣнія и переходить отъ нихъ уже прямо къ дѣятельности, ни предъ чѣмъ не останавливаясь. Ибо самое худое, что я могу потерпѣть, это смерть; но вѣдь я все равно умру же, стало быть, я ничѣмъ не рискую. День расплаты, день борьбы съ внутреннимъ врагомъ, во всякомъ случаѣ канунъ того дня, въ который дѣятели одолѣютъ внутренняго врага, не за горами. Пока же, въ ожиданіи этого вождѣлѣннаго дня, *надобно радоваться каждой новой смерти въ старомъ поколѣніи, надобно разить все отжившее*».

Какой мрачный смыслъ приобрѣтаютъ эти дикія рѣчи, изрыгнутыя въ началѣ 60-хъ годовъ, если припомнить, какъ народившаяся шайка шагъ за шагомъ переходила отъ безумныхъ ученій къ безумнымъ дѣйствіямъ. Истекшему 1881 году выпала злосчастная честь выставить все

это дикое, изступленное, кровожадное безуміе предъ цѣлымъ свѣтомъ, и прежде всего предъ нашими собственными очами, предъ потускнѣвшимъ сознаниемъ сыновъ нашего мятущагося отечества.

Всѣ изложенныя основоположенія этого ученія относятся къ отрицательной его сторонѣ. Гдѣ же положительная? Такой стороны совсѣмъ нѣтъ въ этой системѣ. По разрушеніи религіи, изъ этой философіи получается атеизмъ, нравственности—безнравственность, цѣломудрія—распутство и гражданственности—одичаніе, по разрушеніи государственности—анархія и т. п. А всѣ эти и подобныя понятія, будучи сами по себѣ отрицательнаго свойства, суть ничто иное, какъ видовыя понятія одного родоваго, общаго всѣмъ имъ—разрушенія.

Не правда ли, ужасное ученіе, дикая философія? Но думаете ли вы, что намъ съ вами нѣтъ до нея никакого дѣла? Мы, конечно, вѣрные подданные цашего царя и добрые сыны отечества. Разрушать государство мы не намѣрены. Стоимъ теперь въ церкви, значимся въ церковныхъ спискахъ и приступали къ таинствамъ. Значить, мы и христіане. Тѣмъ не менѣе не стелется ли означенная философія и между нами повальною заразою? Въ истекшемъ году она систематически послѣдовательно, шагъ за шагомъ, привела къ предчувствуемому, къ предусмотрѣнному, къ предуказанному и почти открыто подготовленному царубійству, покрывъ Россію позоромъ, потрясши всѣ сердца ужасомъ,—не знаю, многія-ль, конечно—весьма немногія сердца злорадствомъ. Чему же мы послѣ этого научились? Что за истекшій годъ поправили въ себѣ и около себя? Что обуздали и направили на правый путь?

Дарвинизмъ, совсѣми его нелѣпостями, съ случайнымъ образованіемъ, наприм., глаза въ продолженіи билліоновъ билліоновъ вѣковъ, принимаемый только потому, что

по видимому многое объясняетъ, совсѣмъ почти исключая Творца и все чудесное въ происхожденіи міра, — дарвинизмъ пересталъ ли быть основаніемъ не только высшаго университетскаго міросозерцанія, но міровоззрѣнія и всякаго школьника, читающаго свѣтскіе журналы и газеты? Перестали-ль всякіе умы извѣстнаго направленія, отъ высшихъ многосвѣдующихъ до самыхъ мелкихъ и дѣтскихъ, подрывать и просто отрицать христіанство не только въ его несокрушимой исторіи, но и прямо въ принципѣ безъ дальнѣйшихъ справокъ съ исторіей и психологіей? «Человѣкъ — животное, происходящее отъ обезьяны», — какое же тутъ возможно христіанство? А если такъ, если наукою и общественнымъ сознаніемъ поддерживаются принципы матеріальной нигилистической философіи, то какъ же отрещиваться отъ прямыхъ ея выводовъ?

Очищаемая отверженіемъ историческаго православнаго христіанства душевная пустота въ обществѣ не восполняется ли измышленіемъ всяческихъ суевѣрій отъ разнообразнаго спиритизма до пашковщины и штундизма, до хлыстовщины и скопчества, до преклоненія высокихъ вліяній предъ ново-измышляемыми правами простецовъ, самозванно нарядившихся въ саккосы и митры? Для чего же бы не придумать подобныхъ же правъ для сектантскихъ духоборческихъ, хлыстовскихъ христовъ и богородицъ, апостоловъ, пророковъ и разныхъ пророчицъ, для скопческихъ боговъ саваооовъ, живущихъ въ Тамбовѣ, разныхъ спасителей, бѣлыхъ голубей, святыхъ духовъ и другихъ чудищъ съ ихъ чудовищностями? Въдь логика новоизмышляемаго права вынуждаетъ и вынудить къ послѣдовательности. Отчего же бы не признать какого либо тамбовскаго простеца богомъ саваооомъ, или хоть христомъ спасителемъ, какъ признаютъ тамбовскіе, донскіе, кавказскіе простецы, лукавые сектанты?

Не совѣтуютъ ли высшей власти лучшіе, по видимому,

преданнѣйшіе вѣрѣ, отечеству и царю, умы невозбранно дать Ренана въ русскомъ переводѣ въ руки всѣхъ деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, обученныхъ грамотѣ, дать наряду съ Евангеліемъ или даже взамѣнъ его? Вѣдь объ этой замѣнѣ похлопочутъ не только ходаки въ народѣ, но и сельскіе учителя, да и другіе печальники просвѣщенія и воообще благъ нашего темнаго, по ихъ словамъ, „забитаго“ народа. Не разливается ли индифферентизмъ къ вѣрѣ въ наиболѣе вліятельныхъ кругахъ до всецѣлаго паденія тамъ всей христіанской дисциплины? Иконы изъ домовъ изгоняются; домашняя молитва упразднена; посты устранены. Всенощныя богослуженія забыты, на канунахъ даже Рождества Христова, Новолѣтія непременно, Крещенія Господня, недѣли Ваій, Троицы, за исключеніемъ развѣ одной въ году всенощной Страстей Господнихъ, которая еще кое кѣмъ посѣщается. Объ утреняхъ и говорить нечего, за исключеніемъ одной пасхальной, да и та вездѣ и всегда представителями общества не достаивается до конца. Таковъ законъ моды, иначе нельзя... Не признакъ ли времени, что всѣ эти модныя немощи высшаго круга переходятъ заразою уже и въ купеческія сферы, даже въ крестьянскія? Вѣдь аристократизмъ теперь переходитъ въ купеческія семейства; а стыдно же барынѣ купчихѣ вставать на утреню, иначе засмѣютъ. Изглаждая въ этихъ старинныхъ русскихъ семьяхъ уваженіе къ народной старинѣ и преданность свято—отеческой вѣрѣ, барство переходитъ сюда своими недостатками, легкомысліемъ и вольнодумствомъ, а не блестящими качествами изящества, утонченности, мягкости нравовъ, исторически воспитаннаго благородства, гражданской доблести и уваженія къ государственно—народной чести. И выходитъ, что мы понижаемся въ обще-народномъ нравственномъ уровнѣ. . Вѣдь не ловко же и крестьянамъ земцамъ не поѣдать скромные обѣды въ Филипповъ постъ съ земца-

ми дворянами: „что за предрасудки? Да и не готовятся постное въ гостинницах“... А тамъ далѣе и учителей народныхъ воспитываютъ на круглогодномъ мясоестіи, безъ физической нужды искажая простые желудки, воспитанные на здоровой простотѣ, на хлѣбѣ и водѣ, а съ огромнымъ вредомъ для народныхъ нравовъ, колебля вѣками установившейся укладъ народной жизни на столбахъ православнаго христіанскаго міровозрѣнія. Полезно ли, что дѣти крестьянъ, вчера взятые отъ сохи, завтрашніе народные учителя по селамъ и деревнямъ, пріучаются не только къ повальному отверженію постовъ, но къ устраненію и всего христіанскаго жизненнаго обихода, проводя и въ народѣ идеи, что лучше, т. е. нравственнѣе быть всегда сытымъ, чѣмъ сегодня голодать отъ пощенія, а завтра предаваться всяческому пресыщенію; что въ праздникъ лучше молотить въ лаптяхъ, чѣмъ въ чистомъ платьѣ поугру идти въ церковь, а за тѣмъ на весь день въ кабацкѣ, ставя то и другое чуть не рядомъ по малополезности для народнаго благосостоянія? Чѣмъ подложены разсужденія солиднѣйшихъ и по вѣсѣмъ признакамъ благонамѣреннѣйшихъ людей, которые, съ видомъ высокаго благоразумія, толкуютъ, что распространители подобныхъ идей среди чернаго народа, среди его дѣтей, неблагоуразумно спѣшать, хватаясь прямо за *развитіе* народа, позабывая, что нашъ народъ искони привыкъ къ славянщинѣ, воспитался на четь—миняхъ и т. п., почему-де весьма полезно первоначально поучить его на славянскихъ учебникахъ, вообще на церковномъ, а затѣмъ уже браться и за его развитіе? При чемъ развитіе, сознательно или безсознательно, съ чужаго голоса, противопоставляется христіанству, какъ одно съ другимъ вещи несомѣстимыя. Да, гадаемое развитіе народа дѣйствительно противоположно христіанству, направляясь и направляя къ исключенію

сего послѣдняго, хотя христіанство въ свою очередь и совмѣстно съ самымъ высокимъ, даже безконечнымъ развитіемъ, но только въ духѣ Христовомъ. То признано, что христіанство послужило благотворною закваскою развитія всего христіанскаго человѣчества, хотя это развитіе въ послѣднее время направляется и въ анти-христіанскомъ духѣ. А къ чему это послѣднее, анти-христіанское развитіе приведетъ, это вопросъ. Къ повтореніямъ 1-го марта, къ нескончаемымъ взрывамъ и губительствамъ?

Не обольщаетъ ли себя правящая власть, не обольщаютъ ли себя руководители народнаго просвѣщенія и всѣ свѣтскіе вожди народнаго смысла, когда хлопочуть все о религіозно-нравственномъ развитіи именно и только народа, махнувъ рукою на самихъ себя, какъ на людей отпѣтыхъ, если не по нравственной, то по религіозной части? Съ самихъ себя начать бы... Вѣдь они же считаютъ себя главами общества, и это не метафора, а дѣйствительность. Такъ какъ же вы хотите, чтобъ ноги не блуждали, когда голова заблуждается? Вѣдь нервы стоянія и правильнаго движенія ногъ и всѣхъ конечностей прикрѣплены къ головному мозгу: нездоровы мозги и нервы, не стануть и ноги ни ходить прямо, ни держать крѣпко. Не обольщаетъ ли себя, не страненъ ли, даже не забавенъ ли вождь народнаго смысла,—предположимъ такого,—когда съ учителемъ вѣры о религіозномъ образованіи народа разсуждаетъ чуть не съ пламенемъ очей, а самъ никогда не посѣщаетъ храма Господня, даже въ такіе дни, когда это требуется по закону гражданскому, когда опекаемыя имъ относительно образованія въ духѣ вѣры дѣти, да и отцы, да и всѣ глядятъ во всѣ очи, а былъ ли онъ самъ въ церкви?

Геніямъ принадлежитъ даръ выразить ясно и отчетливо назвать по имени идею, созрѣвшую въ обще-народ-

номъ или въ обще-человѣческомъ сознаниі. Величайшій государственный человѣкъ нашего времени, онъ же и мыслитель недюжинный, называлъ всѣхъ окружающихъ престолъ германскаго императора, т. е. всѣхъ образованныхъ нѣмцевъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, со включеніемъ въ число этихъ немногихъ и себя самого, называлъ просто язычниками, отрекшимися отъ христіанства. А русскія обезьяны, изстари отъ дѣдовъ и прадѣдовъ обезьяны, и обрадовались и подхватили вѣское гениальное слово, несмотря на трагическій и постыдный его смыслъ, и спѣшатъ приложить его — къ кому же? Къ себѣ самимъ! Теперь вотъ у русскихъ интеллигентныхъ людей вошло въ моду сълицемѣрною печалью, а въ сущности въ духѣ гордыни и презорства къ свято-отечественной вѣрѣ, клеймить себя прозвищемъ язычниковъ. Такъ во дни оны отцы ихъ въ тайнѣ тщеславились прозвищемъ вольтеріанцевъ, хотя и опасались однако же открыто записаться въ вольтеріанцы, такъ какъ тогда это была довольно серьезная опасность. А теперь сыны ихъ, никого уже и ничего не опасаясь, тщеславятся и сами себя величаютъ прозвищемъ язычниковъ и полу-язычниковъ. И пусть ихъ язычники обзываютъ себя такъ; имъ по дѣломъ, къ нимъ и пристало. Но полу-язычникомъ въ самомъ русскомъ изъ журналовъ обзываетъ себя писатель, который дѣлаетъ себѣ репутацію учителя всяческой мудрости, всякихъ наукъ, человѣческихъ и божескихъ, который прямо и отважно, хотя и самозванно, выступаетъ въ видѣ даже учителя церкви, тяжкими укорами наставляя церковную іерархію, какъ она должна учить вѣрѣ народъ, конечно не его самого полу-язычника. Онъ полу-язычникъ, — этимъ сказано многое, сказано то во первыхъ, что онъ у насъ учиться ничему не желаетъ; да и нечему отъ насъ ему поучиться, когда онъ самъ учитъ, обли-

чаетъ, тяжело въ самыхъ хульныхъ выраженіяхъ обвиняетъ всю учительную церковь. Да и спрашивается, кто изъ людей, мыслящихъ себя интеллигентными на Руси, желаетъ учиться у насъ, желаетъ послушать и послушаться насъ? Все свѣтскіе писатели, даже лучшіе консервативнѣйшіе русскіе мыслители, только насъ школятъ, какъ невѣждъ въ нашемъ собственномъ дѣлѣ церковно-общественнаго учительства, и хотятъ все, чтобъ мы, поучась у нихъ, учили собственно народъ, но ихъ самихъ ни подъ какимъ видомъ.

Какъ же вы хотите, чтобъ мы учили народъ вѣрѣ, чтобъ мы удержали народъ въ завѣтахъ отцовъ, когда такъ многіе изъ васъ совершенно охладѣли къ обязательности этихъ завѣтовъ для васъ самихъ? Когда такъ многіе изъ васъ, и словомъ и дѣломъ, примѣромъ и даже поощреніемъ, вѣдряютъ въ народъ то, что пока еще великодушно предоставляютъ намъ искоренять? Когда такъ многіе не только допускаютъ, но и поощряютъ, не только прикрываютъ апатіею и молчаніемъ, но и восхваляютъ пропаганду всяческихъ отпаденій отъ свято-отеческой православной вѣры, которая создала и воодушевила, которая объединяетъ и скрѣпляетъ въ единствѣ русское государство? Когда въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ царитъ даже не глухое, не тайное, а совершенно открытое, громко выражаемое недоброжелательство и ни тѣни сыновняго благопокорнаго усердія къ отечественной русской церкви, которая такъ пригодна была государству во всѣ години искушеній отъ татарскаго погрома и до отечественной и до послѣднихъ восточныхъ войнъ? Когда въ теченіи послѣднихъ вѣковъ, отнявъ у церкви учащей право за правомъ, стѣснивъ ее въ средствахъ и движеніяхъ, въ дѣлѣ и даже словѣ, общество оставляетъ ее, учащую церковь, почти совершенно безпо-

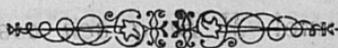
мощною въ дѣлѣ даже охраненія вѣры, прилагая къ правонарушеніямъ въ этой важнѣйшей для жизни общества, внутреннѣйшей, духовнѣйшей области, заурядное, шаблонное и на Руси въ данномъ случаѣ пока еще противозаконное правосудіе, по мѣркѣ извѣстнаго училища новѣйшей юриспруденціи, съ чуждаго намъ голоса и образца, а не съ голоса нашей отечественной родной намъ исторіи? Когда церковь стѣснена въ правѣ на дѣлѣ, и не видитъ пользы, даже не видитъ возможности прибѣгать и къ послѣдному исконному средству высшаго церковнаго суда — къ отлученію въ данныхъ частныхъ обстоятельствахъ? Да и къ чему? Общество само себя повально отлучаетъ отъ церкви, одни оставляя таинства, обряды и всю дисциплину церковную, другіе устраняя себя отъ таинствъ и хожденія въ церковь, а третьи и прямо отпадая отъ церкви? Въ то же время общество, мало, апатично, вопреки собственному убѣжденію помогая намъ въ нашемъ дѣлѣ, очень пылко и огульно кидаетъ намъ въ лицо язвительные укоры, что голосъ нашъ потерялъ вліяніе, что мы умѣемъ удерживать народъ въ оградѣ церкви не силою убѣжденія, а только постоянными доуками полиціи. Въ старыя годы на Руси не такъ было. Не полиція поддерживала духъ церковный, а духъ обще-народный не выносилъ явной антицерковности. Нынѣ же вымираетъ старо-давній духъ вѣрности свято-отеческимъ преданіямъ; оттого и законы, ограждающіе этотъ духъ, теряютъ силу, и вѣра надежду на свое преспѣваніе. Еще 50 лѣтъ тому назадъ кто бы посмѣлъ отпасть примѣрно въ католичество?! Изъ высшихъ аристократическихъ фамилій двѣ три личности попробовали было, да и сгнили въѣдъ предѣловъ отечества. А теперь кому какое дѣло, кто какой вѣры? Ступай, коли нравится, въ пашковцы, хочешь — въ жидовство, въ нигилисты всего проще.

Ясно ли, куда мы идемъ, даже къ чему пришли уже? Къ философіи Чернышевскаго—Писарева въ теоріи, и къ осуществленію выводовъ Добролюбова на практикѣ. И пока дѣло заключалось только въ дикой болтовнѣ слѣпыхъ вождей слѣпой, хотя и мнящейся зрячею, толпы, она то и знала, что забавлялась. А какъ сверкнули молніи громаы ужасныхъ дѣлъ, всё сперва испугались, а затѣмъ махаютъ рукой: будь, что будетъ, только бы мимо насъ, послѣ насъ хоть потопъ. Поворотить назадъ всё оказываются безсильны; даже толкаютъ другъ друга идти впередъ по склону исторіи, по склону дѣлающихъ исторію у насъ, хотя и въ бездну погибели.

Думаю-ль я самъ, что мы можемъ поворотить исторію назадъ? Помоги Боже! *У Бога вся возможна суть...* Но полагаю, что мы можемъ остановить, по крайней мѣрѣ, задержать роковой бѣгъ исторіи, поудержаться, осмотрѣться. И это было бы большое благо для отечества. Тяжесть, спускаемая съ горы осмотрительно и сдержанно, можетъ двинуться своею дорогою и дальше представленнымъ порядкомъ. Но мы несемся въ бездну съ одуряющею быстротою. По ветхо и ново-завѣтнымъ пророчествамъ рѣка времянь подмываетъ берегъ, на которомъ до сего дне стоитъ величественный, чрезвычайно прочный и архитектурно-художественный, божественно-прекрасный храмъ христіанства, въ которомъ до нынѣ славится имя Бога истиннаго, Бога высочайшаго, не тускалу, она не сокрушима, на которой зиждется вселенская Христова церковь, но тѣ устои, на которыхъ Христова церковь держалась у насъ, въ нашемъ народѣ, и которые повидимому разшатываются и подгниваютъ. Многіе ли изъ насъ со страхомъ присматриваются къ тому, недвигается ли свѣтильникъ Христовъ съ мѣста своего, отъ

насъ вдаль куда либо въ инья мѣста, примѣрно въ Япо-
нію?

И главный нашъ недугъ, источникъ быстро и поваль-
но распространяющейся гнили обще-народнаго разложе-
нія, заключается въ томъ, что мы забыли, нѣтъ, мы не
забыли, въ послѣднее время вовсе не знали, потому что
затыкали уши и слыша не слышимъ, не взвѣшиваемъ,
не цѣнимъ, не прилагаемъ къ дѣлу урокъ намъ, возгла-
шаемый въ каждое новолѣтіе отъ лица апостола Павла:
*Братіе блюдитесь, да никто же васъ будетъ прельщая
философією и тщетною лестію, по преданію человѣче-
скому, по стихіямъ міра, а не по Христъ. Аминь.*

СОДЕРЖАНІЕ: Отдѣлъ официальный.—Указъ Святѣйшему Правитель-
ствующему Синоду.—Епархіальные распоряженія и извѣстія.

Отдѣлъ неофициальный.—Поученія Преосвященнаго Никанора, Епископа
Уфимскаго и Мензелинскаго.

Редакторъ, преподаватель семинаріи Иванъ Любимовъ.

Печатать дозволяется. Уфа, 15 марта 1882 г.

Цензоръ Каѳедральный Протоіерей Павелъ Желателевъ.

Губернская Типографія.